

Пословицы о семье

По сборнику Владимира
Даля «Пословицы
русского народа» под
редакцией А. Соколова

Андрей Соколов

**Пословицы о семье. По
сборнику Владимира Даля
«Пословицы русского народа»
под редакцией А. Соколова**

«Издательские решения»

Соколов А.

Пословицы о семье. По сборнику Владимира Даля
«Пословицы русского народа» под редакцией А. Соколова /
А. Соколов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850997-1

Перед Вами сборник русских пословиц о семье XIX века. В них знание, опыт тех людей, которые умели создавать и сохранять на протяжении всей своей жизни крепкие счастливые семьи. Теперь, благодаря пословице, это знание и этот опыт могут стать Вашими и Ваших близких. «Пословицы о Семье» — отличный подарок как людям семейным, так и готовящимся создать семью. Незаменимая настольная книга ждет своего читателя — того, кому не безразлично слово «СЕМЬЯ».

ISBN 978-5-44-850997-1

© Соколов А.
© Издательские решения

Содержание

От составителей	6
Напутное	7
Пословицы	23
Бог – вера	23
Судьба – удача – счастье	24
Богатство – достаток – тороватость	25
Терпение – горе – утешение	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Пословицы о семье
По сборнику Владимира Даля
«Пословицы русского народа»
под редакцией А. Соколова**

Редактор Андрей Соколов

ISBN 978-5-4485-0997-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителей

В это издание вошли пословицы о семье из сборника «Пословицы Русского Народа» В. И. Даля, – по праву считающегося самым полным и объемным собранием русских пословиц. При составлении нашего сборника мы постарались сохранить дух непредвзятости и уважения к пословице, которым пронизан труд этого великого собирателя народной мудрости.

Наш сборник отражает образ семьи XIX века в русской пословице, раскрывает знание, опыт тех людей, которые умели создавать и сохранять на протяжении всей своей жизни крепкие счастливые семьи.

Сборник составлялся по изданию 2006 г: «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА. СБОРНИК В. ДАЛЯ В ТРЕХ ТОМАХ.» Издательство «4 КРАСКИ», 2006. – и 1879 года: «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.» Владимира Даля. Издание книгопродавца-типографа М.С.Вольфа, 1879.

При расхождениях в наличии и расположении пословиц, а также в пунктуации и расстановке заглавных букв за основу бралось издание 1879 года, в правописании – издание 2006 года.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, которым не безразлично слово «СЕМЬЯ».

Напутное

*(Вступительное слово Владимира Ивановича Даля к сборнику
«Пословицы Русского Народа»)*

«Будет ли, не будет ли когда напечатан сборник этот, с которым собиратель пестовался век свой, но, расставаясь с ним как бы с делом конченным, не хочется покинуть его без напутного словечка». Вступление это написано в 1853 году, когда окончена была разборка пословиц; пусть же оно остается и ныне, когда судьба сборника решилась и он напечатан.

По заведенному порядку, следовало бы пуститься в розыск: что такое пословица; откуда она взялась и к чему пригодна; когда и какие издания пословиц у нас выходили; каковы они; какими источниками пользовался нынешний собиратель. Ученые ссылки могли бы подкрасить дело; потому что, кажется, уже Аристотель дал определение пословицы.

Но всего этого здесь найдется разве только весьма понемногу. Ученые определения ныне мало в ходу, век школярства прошел, хотя мы все еще не можем стряхнуть с себя лохмотьев степенной хламиды его.

Времена, когда объясняли во введении пользу науки или знания, коему книга посвящалась, также миновали; ныне верят тому, что всякий добросовестный труд полезен, и что пользе этой рассказами не подспоришь.

Ученые розыски, старина, сравнения с другими славянскими наречиями – все это не по силам собирателю.

Разбор и оценка других изданий должны бы кончиться прямым или косвенным скромным признанием, что наше всех лучше.

Источниками же или запасом для сборника служили: два или три печатных сборника прошлого века, собрания Княжевича, Снегирева, рукописные листки и тетрадки, сообщенные с разных сторон, и – главнейше – живой русский язык, а более речь народа.

Ни в какую старину я не вдавался, древних рукописей не разбирал, а вошедшая в этот сборник старина попала туда из печатных же сборников. Одну только старую рукопись я просматривал и взял из нее то, что могло бы и ныне идти за пословицу или поговорку; эта рукопись была подарена мне гр. Дм. Ник. Толстым, мною отдана М. П. Погодину, а оттуда она целиком напечатана, в виде прибавления, при сборнике пословиц И. М. Снегирева.

При сем случае я должен сказать душевное спасибо всем доброхотным дателям, помощникам и пособникам; называть никого не смею, боясь, по запоминанию, слишком многих пропустить, но не могу не назвать с признательностью гр. Дм. Ник. Толстого, И. П. Сахарова и И. М. Снегирева.

Когда сборник последнего вышел, то мой был уже отчасти подобран: я сличил его издание со сборником Княжевича и попользовался тем, чего не было там и не нашлось у меня и что притом, по крайнему разумению моему, можно и должно было принять.

В собрании Княжевича (1822 г.) всего 5300 (с десятками) пословиц; к ним прибавлено И. М. Снегиревым до 4000; из всего этого числа мною устранено вовсе или не принято в том виде, как они напечатаны, до 3500; вообще же из книг или печати взято мною едва ли более 6000; или около пятой доли моего сборника. Остальные взяты из частных записок и собраны по наслуху, в устной беседе.

При этом сличении и выборе не раз нападали на меня робость и сомнение. Что ни говорите, а в браковке этой произвола не миновать, а упрека в ней и подавно. Нельзя перепечатывать слепо всего того, что, под названием пословиц, было напечатано; искажения, то умничаньем, то от недоразумений, то просто описками и опечатками, не в меру безобразны.

В иных случаях ошибки эти явны, и если такая пословица доставалась мне в подлинном виде своем, то поправка или выбор не затрудняли; но беда та, что я не мог ограничиться этими случаями, а должен был решиться на что-нибудь и относительно тех тысяч пословиц, для исправления коих у меня не было верных данных, а выкинуть их вон – не значило бы исправить.

Не поняв пословицы, как это нередко случается, считаешь ее бессмыслицею, полагаешь, что она придумана кем-либо для шуток или искажена неисправимо, и не решаешься принять ее; ан дело право, только смотри прямо. После нескольких подобных случаев или открытий поневоле оробеешь, подумаешь: «Кто дал тебе право выбирать и браковать? Где предел этой разборчивости? Ведь ты набираешь не цветник, а сборник» и начинаешь опять собирать и размещать все сподряд; пусть будет лишнее, пусть рассудят и разберут другие; но тогда вдруг натыкаешься. на строчки. вроде следующих:

Всем известно, что лукавые живут лестно.
В суетах прошла година, завсегда была кручина.
Где любовь нелицемерная, там надежда верная.
Роскошные и скупые меры, довольства не знают.
Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ недалече.
Прежде смерти не должно умирать и пр. и пр.

Что прикажете делать с подобными изречениями кондитерской премудрости двадцатых годов? Выкинуть; но их-то и нашлось под другую тысячу, да столько же, сомнительных, с коими не знаешь, как и быть, чтобы не обвинили в произволе. Посему-то, по затруднительности такой браковки, а, частью и просмотром; – всякого греха не упасешься – и в этот сборник вошло много пустых, искаженных и сомнительных пословиц.

Относительно приличия при браковке пословиц я держался правила: все, что можно читать. вслух в обществе не извращенном чопорностию, ни излишнею догадливостию, а потому и обидчивостию – все это принимать в свой сборник. Чистому все чисто. Самое кощунство, если бы оно где и встретилось в народных поговорках, не должно пугать нас: мы собираем и читаем пословицы не для одной только забавы и не как наставления нравственные, а для изучения и розыска; посему мы и хотим знать все; что есть. Заметим, впрочем, что резкость или яркость и прямота выражений, в образах для нас непривычных, не всегда заключают в себе видимое нами в этом неприличии. Если мужик скажет: «Что тому богу: молиться, который не милует»; или: «Просил святого: пришло до слова просить клятого», – то в этом нет кощунства, потому что здесь богами и святыми, для усиления понятия, названы люди, поставленные ради святой, Божеской правды; но творящие противное, заставляя обиженного и «угнетенного искать защиты также путем неправды и подкупа. Самая пословица, поражая нас сближением таких противоположностей, олицетворяет только крайность и невыносимость извращенного состояния, породившего подобное изречение.

Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещенном обществе пословицы нет; попадают слабые, искаленные отголоски их, переложенные, на наши нравы или. испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в хорошем обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче, рубаху и подопку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намек весь выходит наружу.

Как достояние общенародное, как всемирный гражданин, просвещение и образованность проходят путь свой на глаз, с уровнем в руках, срывая кочки и бугры, заравнивая ямки и выбоины, и приводят все под одно полотно. У нас же, более чем где-нибудь, просвещение – такое, какое есть – сделалось гонителем всего родного и народного. Как в недавнее время еще первым признаком притязания на просвещение было бритье бороды, так вообще избегалась и прямая русская речь и все, что к ней относится. Со времен Ломоносова, с первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодке, продолжают труд этот с насилием и все более удаляются от истинного духа языка. Только в самое последнее время стали догадываться, что нас леший обошел, что мы кружим и плутаем, сбившись с пути, и зайдем неведомо куда. С одной стороны, ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва свое, насильственно переносили к нам все в том виде, в каком оно попадалось и на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском; с другой – бездарность опошшила то, что, усердствуя, старалась внести из родного быта в перчаточное сословие. С одну сторону черемиса, а с другую беремиса. Как бы то ни было, но из всего этого следует, что если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижкою под гребенку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху.

Простой народ упорнее хранит и берегает исконный быт свой; и в косности его есть, и дурная и хорошая сторона. Отцы и деды – для него великое дело; не раз ожегшись на молоке, он дует и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: «Все по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?» Он неохотно отступает от того, что безотчетно всосал с материнским молоком и что звучит в мало натруженной голове его складной речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная. Выскажу убеждение свое прямо: словесная речь человека – это дар Божий, откровение: доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашел, она проста, пряма и сильна; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлет, а в научном круге получает особое, условное значение. Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти.

Нисходя к просторечию, позволяя себе иногда высказаться пословицей, мы говорим: «Десять раз примерь, один раз отрежь». Мы не придумали этого изречения, а, взяв его в народе, только немного исказили; народ говорит правильнее и краше: «Десятью примерь или, прикинь, одна отрежь». В Питере и табличку умножения учат: два раза три, пять раз шесть; в школах наших твердят: дважды три; а народ говорит: двою трою или два на пять, три на шесть и пр. Поучение: нерассудительный, опрометчивый труд часто бывает бесполезен – никогда не выскажется у нас под пером пословицей: «Крой; да песни пой; станешь шить, наплачешься»; или: «Шей да пори, не будет глухой поры». Можно ли складнее, ярче и короче выразить глубокую мысль, чем в пословице: «На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь»; эта пословица наша досталась, не знаю каким путем; французу Lagochefoucauld; в ловком переводе она пошла у него за свою и приводится в пример его ума и красноречия: «Le soleil ni la mort ne peuvent se regarder fixement» (Maximes).

Мы, в своем быту, придумываем только пословицы вроде таких: «Козырка не портит; не с чего ходить, так с бубен; нечем бить, так кулаком»; да иногда переводим: «лебединую песню спеть; между ними черная кошка пробежала; и в солнце есть пятна; пятое колесо; в углу палка стоит, оттого на дворе дождь» и пр. Нравятся ли вам эти поговорки и эти переводы?

Но мы не только сами не сочиним ни одной замечательной пословицы, а мы даже, как оказывается, плоховато понимаем готовые. Это не раз ставило меня в тупик. Насколько

нужно и должно объяснять и толковать пословицы? Непонятная, недоступная слушателю пословица – это соль, которая обуяла и не солит; куда ее девать? А толковать остроту или намек, который читатель и сам понимает, – пошло и приторно; толкования эти и места много займут, а книга выходит объемиста, тесно и без них. Многие объяснения потребовали бы и ученых справок, а на это нужно и знание, и источники, и время, – словом, это отдельный и немаловажный труд. Самые читатели, как бы мало их ни нашлось, также не одинаковы, у всякого могут быть свои требования – не солнце, на всех не угреешь.

Я ставил, и то уже во время справки печати, самое короткое толкование, указание, где мог полагать, что это нужно для многих. Недавно еще мы видели тому примеры, как странно и превратно иногда понимаются и толкуются, даже осуждаются, наши пословицы: «От навалу люди разживаются» растолковано было «от насильственной навязки кому товара»; а «Не выноси сору из избы» – объявлена бессмыслицею, потому что нельзя же, хоть изредка, не выметать сору, и хороша-де будет изба, коли из нее никогда сору не выносить. Но навал понимается здесь в значении навала покупателей, а не товара; коли толпа, народ валит валом – разживаются от бойкого сбыту, почему и бойкое, торное местопуцу дорого, а насиженное на бою, куда забойщики валят по привычке, вдвое дороже. Не выноси сору, как и всякая иная неискаженная пословица, в которой заключается притча, пряма и права; в прямом и переносном смысле: дело право, только гляди прямо. В переносном: не носи домашних счетов в люди, не сплетничай, не баламуть; семейные дразги разберутся дома; коли не под одним тулупом, так под одной крышей. В прямом: у крестьян сор никогда не выносятся и не выметается на улицу: это, через полуаршинные пороги, хлопотно, да притом сор стало бы разносить ветром и недобрый человек мог бы по сору, как по следу, или по следку, наслать порчу. Сор сметается в кучку, под лавку, в печной или стряпной угол; а когда затапливают печь, то его сжигают. Когда свадебные гости, испытывая терпение невесты, заставляют ее мести избы и сорят вслед за нею, а она все опять подметает, то они приговаривают: «Мети, мети, да из избы не выноси, а сгребай под лавку да клади в печь, чтоб дымом вынесло».

«Нужда научит калачи есть», как притча, истолкована была верно: нужда заставит работать, промышлять. «Голь мудрена, нужда на выдумки торовата» – она даст ума и, коли не было ржаного хлеба, доведет до того, что будет и пшеничный. Но есть тут и прямой смысл: нужда домашняя заставит идти на заработки. «Промеж сохи и бороны не ухоронишься; ищи хлеб дома, а подати на стороне»; куда? Первое дело на Волгу, в бурлаки; это и поныне еще статья, а до пароходства это был коренной, и притом разгульный, промысел десяти губерний; на Волге же, миновав Самару, приходишь на калач (булка, пирог, калач, пшеничный хлеб). Верховым бурлакам это в диковину, и они-то, отцы и деды нынешних, сложили эту пословицу.

По затейливости и обороту речи на эту походит и другая; «Ешь пироги, а хлеб вперед береги»; казалось бы, надо сказать: «Ешь хлеб, а пироги вперед береги»; но пословица выражает иное; живи привольно, коли можется, ешь и пироги, да с расчетом: ешь их так, чтобы хлеба не заесть. «Брюхо – злодей, старого добра не помнит»; «Веди денежку про белый (каждый) день, денежку про красный день (праздник) да денежку про черный день (про запас, на беду)».

«Неволя вниз идет, кабала вверх»; тут речь все о той же матушке Волге, и о бурлачестве, с которым связана кабала, потому что задатки взяты вперед, усланы домой в оброк, а остатки пропиты. Неволя, то есть, нужда, идет вниз, по воде, искать работы; вверх, против воды, идет или тянет лямкою кабала. В прямом смысле: холоп или раб (неволя), ждет лучшего, потому что худшего ему нет, ждет милости и доверия за верную службу свою: это у него впереди; кабальный же все более путается, долгает, наедает и набирает на себя новую кабалу, срок за сроком; кабала подымается, все усиливается и в старину нередко также кончалась холопством.

Но из этих немногих примеров видно, что такие объяснения, если бы собирателя и достало на них, потребовали бы несколько годов времени и еще ста листов печати.

Заметим, однако, при сем случае, что толковать и объяснять пословицы надо крайне осмотрительно, чтобы не обратить этого дела в свою игрушку. Особенно опасно искать ученым взглядом того, чего бы найти хотелось. Применение пословиц к событиям, даже к личностям, по тезоименитству, к древним обычаям, к сомнительному баснословию идолопоклонства и пр. оказывается во многих случаях, натяжкою воображения. Думаю, например, что относить поговорки: «Лиса Патрикеевна», «Патрикей сам третьей» – к литовскому князю Патрикию, а «Едет Ананьин внук из Великих Лук» – к новгородскому посаднику Ананью – ни на чем не основанный произвол; думаю даже, что «Враг силен, валяет и в синем» не касается синей молнии и перуна, а просто намекает на синий кафтан как на признак достатка, богатства; лукавый-де расставляет сети свои на всякого, попадает и синь кафтан. «Обреченная скотина – не животина» также, едва ли говорится у нас со времен идольских и не относится до обречения ее на жертву богам, чему в народе нигде не осталось памяти; обреченная скотина та, которая судьбою обречена на смерть, не живучая, не долговечная; это – обычное утешение и беззаботности, и упрямства, и беспомощности в беде; захилела скотина – покинь ее на волю Божью; коли ей жить, то будет жива, а коли, обречено, то она не животина, не живот, не добро, не имущество тебе. Стараясь объяснять темные пословицы и применять их к тому быту, который на сей раз у нас перед глазами, мы иногда далеко сягаем и мудрим, где ларчик открывается просто, без потайки. К этому надо прибавить, что у великорусов, противно малорусам, бытописательной памяти нет; у них все ограничено насущным и духовным; старина остается в памяти и передается, поколику она касается житейского быта; с этого для русского прямой переход к мыслям и беседам о вечности, о Боге и небесах, всем прочим он, без стороннего влияния, не займется, разве только по особому поводу.

Итак, признавая пословицу и поговорку за ходячую монету, очевидно, что надо идти по ним туда, где они ходят; и этого убеждения я держался в течение десятков лет, записывая все, что удавалось перехватить на лету в устной беседе. Что собрано было наперед меня, из того же источника, то я старался включить, но маловато рылся в книгах и, вероятно, много опустил. Так, например, я даже не справлялся с небольшим, но весьма добросовестно обработанным сборником Буслаева (Архив Калачева, 1854г.), который впервые увидел в Москве в апреле 1860 года, когда уже половина моего сборника была напечатана. Многие изречения писателей наших, по краткости и меткости своей, стоят пословицы, и здесь нельзя не вспомнить Крылова и Грибоедова; но я включал в сборник свой те только из этих изречений, которые случилось мне слышать в виде пословиц, когда они, принятые в устную речь, пошли ходить отдельно. И потому в сборнике моем есть книжные пословицы, но я их брал не из книг, разве когда они уже прежде попали в подобные сборники и, для полноты, перешли и в мой. Есть у меня и переводные – что замечено было в виде упрека, – но я их не переводил, а принял, потому что они говорятя; есть искаженные, переиначенные, но я их не искажал, а слышал или получил в этом виде; есть речения из Св. писания, и они даже большей частью переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятя; есть пошлые, суеверные, кощунные, лжемудрые, изуверные, вздорные, но я их не сочинял; моя задача была: собрать в возможной полноте все то, что есть и каково оно есть, как запас для дальнейшей разработки и для каких кому угодно выводов и заключений. Скажут: тут много лишнего хламу; правда, но того, что выкинуто, никто не видит, а где мерило на эту браковку и как поручиться, что не выкинешь того, что могло бы остаться? Из просторного убавить можно; набрать из сборника цветник, по своему вкусу, немудрено; а что пропустишь, то воротить труднее. Окоротишь – не воротишь. Притом у меня в виду был язык; один оборот речи, одно слово, с первого взгляда не всякому заметное, иногда заставляли меня сохранить самую вздорную поговорку.

Укор самый обычный, и притом самый легкий, бывает тот, что-де пословица эта неверно записана, она говорится не так, а этак. Бесспорно, есть случаи, где такое замечание право и заслуживает спасибо; но ведь каждая пословица говорится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу; надо ж было выбрать один, два, много три разноречия, а всех не соберешь, да и надоешь ими до скуки.

Где только я мог верно добраться до коренного оборота и указать на искажения, там я это делал, хотя в самых кратких заметках. Вот примеры: «Не до обедни, коли много бредни»; здесь бредни попало по недоразумению, вместо обрядни, слова северного, которое произносится там: обредни, и значит бабий обиход в доме, стряпня, хозяйство у печи; это видно из дружки этой пословицы: «Либо к обедне ходить, либо обрядню водить». Другая: «Нам не гоже, вот тебе Боже»; эта, по-видимому, подтверждается другою: «Что дьякону не мило, то попу в кадило»; но первая вышла с юга, она малорусская, не понята у нас и потому искажена: «Нам не гоже, от тоби небоже»; вот тебе небога, небоже; у этого слова много значений: бедняк, убогий, нищий, калека, юродивый, несчастный, о ком соболезнуют, близкий, родич, племян; эта пословица отвечает нашей: «Удобрилась мачеха до пасынка: велела в заговенье все щи выхлебать». Пословица: «Не у детей или не при детях, не на детях, и сидни в честь» говорится различно и переиначивается от непонятия: кому Бог детей не дал или у кого они мрут младенцами (у кого дети не стоят), то рад бы и сидню, и безногому, калеке; на безлюдье и сидни в честь: ведь и Илья Муромец был сидень. Не поняв этого и отнеся честь, почет к слову дети, чем пословицу и лишили смысла, поправили дело, обратив сидни в седни, в старца с сединою, и сделав из этого: «Не у детей и седни в чести», то есть взрослый, разумный человек уважает стариков.

Таким образом, одно слово нередко придает пословице иной смысл, и если вы слышали ее на один лад, а я на другой, то из этого еще не следует, что вы ее слышали правее, а и того менее, чтобы я сам ее переделал. Возьмем пример такого рода, где не только мы с вами, но и еще двое собеседников говорят одну и ту же пословицу, каждый на свой лад, и все четверо будут правы: «Старую собаку не волком: звать» – за то, что она устарела, не годна более, не считать ее за волка, не обходиться, как с врагом; «Попову собаку не волком звать» – как ни надоел поп жадностию и прижимками своими, да не глядеть же на собаку его, как на волка, она ни в чем не виновата; «Старую собаку не батькой звать», не отцом – ответ на требование уважать старика не по заслугам; стар пес, да не отцом же его за это почитать; «Попову собаку не батькой звать» ответ на требование уважения к людям случайным; что ни толкуй об уважении к батьке, к попу, да пес его не батька; в этом виде пословица часто применяется к любимцам барским, из дворни. Таких примеров можно бы привести много: которое из четырех разноречий этих ни выбрать, все можно сказать: нет, она не так говорится!

Замечу здесь, что старинные списки и сборники пословиц далеко не всегда могут служить образцами и нисколько не доказывают, чтобы пословица была в ходу от слова до слова, как она написана. Старички мудровали в этом деле не хуже нашего, желая поправить пословицу, придать ей письменный вид, и, как само собою разумеется, впадали через это в пошлость. Примеров этому очень много. В Погодинск. сборн. 1714 года читаем мы: «Будучи на чужой стороне, надобно голову уклонну, а сердце покорно иметь». Не очевидно ли тут умничанье и переделка? Поныне говорится: «Держи голову уклонну. (или поклонну), а сердце покорно»; если применить это к чужбине, то можно начать словами: на чужбине, на чужой стороне, не изменяя затем ни слова; здесь же все остальное прибавлено записчиком, особенно слова: будучи, надобно, иметь.

В Архивном. сборн. XVII века: «Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ неволге»или, как поправлено у Снегирева: «невдалече»; неужели это пословица, поговорка или что-нибудь на то похожее? В Архивном же: «Денег нет на полати преть»; эта и поныне в ходу и говорится о пьянице, который сидит смиренно дома, даже прячется, коли

пить не на что; но вместо преть надо читать прет «Как денег нет, так на полати прет», то есть лезет и лежит смирно. Там же, пословица: «У старого душа не вынута, а у молодого не запечатана» – переиначена не к. лучшему: «До смерти, у живых, у старых, душа не вынута, а у молодых не запечатана».

В Погодинском 1770 г.: «Ково седина украшает, тово больше бес уловляет»; неужто это могло быть ходячею пословицей? Это сочинение собирателя, на образец: «Седина в бороду, а бес в ребро».

В сборн. Янькова 1744г.: «Кумища, сватища – простишься, хватишься»; это уже ни на что не похоже; пусть бы кто понял эту чепуху, в которой из четырех слов нет ни одного верного, а потому и нет никакого смысла. Очевидно, это искажение пословицы, живущей и донныне в народе: «Кумишься, сватаешься – проспиться, спохватишься». Таких примеров можно бы набрать очень много; привожу их в доказательство, что во все времена бывали бестолковые переписчики и даже собиратели, которые умничали, и что, ссылаясь на старинные рукописи, не всегда можно исправлять новых собирателей.

Сборнику моему суждено было пройти много мытарств, задолго до печати (в 1853г.), и притом без малейшего искательства с моей стороны, а по просвещенному участию и настоянию особы, на которую не смею и намекнуть, не зная, будет ли это угодно. Но люди, и притом люди ученые по званию, признав издание сборника вредным, даже опасным, сочли долгом выставить и другие недостатки его, между прочим, такими словами: «Замечая и подслушивая говоры (?) народные, г. Даль, видно, не скоро их записывал, а вносил после, как мог припомнить; оттого у него редкая (?) пословица так записана, как она говорится в народе. Большая часть (?) их замечены так, как следующие: у него написано: Эту беду я бобами разведу, а пословица гласит так: Чужую беду бобами разведу, а к своей ума не приберу».

Но у меня были обе пословицы, только каждая на своем месте, потому что смысл их не один и тот же; да вместо приберу у меня написано приложу, что я и поныне считаю верным. Эту беду я бобами или на бобах разведу; беда не велика, влезет в ворота, отворожиться или отделаться можно. «Чужую беду на бобах разведу, а к своей ума не приложу» – совсем другое; это значит: чужое горе с хлебом съем, чужая болячка в боку не киснет, а своя болячка велик желвак и пр.

Далее: «У него написано: Суд Бог волю свою, а пословица гласит: Твори Бог волю свою». Что последняя говорится, в этом нет спору, и если ее у меня не было, то можно было указать на пропуск; но первая также говорится. «Суди Бог волю свою» – значит, что более судить ее некому, не нам ее пересуживать, а должно ей без ропота покориться; или, приняв судить, по старинному значению, за присуждать, творить суд, – суди Бог волю свою значит: твори, присуждай по воле своей.

Всего, в доказательство, что редкая пословица у меня верно записана и что большая часть их замечены ошибочно, праведные судьи мои приводят три примера, то есть по одному на каждые десять тысяч, и третий самый замечательный: «Та же неверность и в сборе (?) прибауток и пустоговорок; приведу в пример одну: у него написано: Не для чего, чего иного, как прочего такого, эта пустоговорка в народе выражается (почему же не гласит?) так: Не для чего иного, как лишь для прочего такого; а если лучше чего, так больше ничего; вот только и всего».

Да, кажется, что только и всего...

Как бы то ни было, но независимо от такой неверности в пословицах моих, доказанной тремя приведенными здесь примерами, нашли, что сборник этот и небезопасен, посягая на развращение нравов. Для большей вразумительности этой истины и для охранения нравов от угрожающего им развращения придумана и написана была в отчете новая русская пословица, не совсем складная, но зато ясная по цели: «Это куль муки и щепоть мышьяку» – так сказано было в приговоре о сборнике этом, и к сему еще прибавлено: «Домогаясь напе-

чатать памятники народных глупостей, г. Даль домогается дать им печатный авторитет»... к опасным же для нравственности и набожности народной местам отнесены, между прочим, следующие изречения: «Благословясь, не грех; среда да пятница хозяину в доме не указчица» и пр.

Упомянуть ли еще после этого, что рука об руку с сочинителями пословицы о мышьяке шло и заключение ценителя присяжного, к коему сборник мой попал также без моего участия, и что там находили непозволительным сближение сподряд пословиц или поговорок: «У него руки долги (власти много)» и «У него руки длинны (он вор)»? И тут, как там, требовали поправок и изменений в пословицах, да сверх того исключений, которые «могут составить более четверти рукописи»...

Я ответил в то время: «Не знаю, в какой мере сборник мой мог бы быть вреден или опасен для других, но убеждаюсь, что он мог бы сделаться небезопасным для меня. Если же, впрочем, он мог побудить столь почтенное лицо, члена высшего ученого братства, к сочинению уголовной пословицы, то очевидно развращает нравы; остается положить его на костер и сжечь; я же прошу позабыть, что сборник был представлен, тем более, что это сделано не мною».

Ради правды я обязан сказать, что мнение противоположное всему этому было высказано в то время просвещенным сановником, заведовавшим публичную библиотекою.

Высказываю все это не как жалобу и обличение, а, во-первых, как оправдание, почему я не издал пословиц ранее нынешнего, во-вторых, для объяснения современного нам быта. Не поглядевшись в зеркало, сам себя в лицо не знаешь. Притом, мне кажется, где речь идет о данных для будущей истории нашего просвещения, там всякий обязан говорить то, на что у него есть в руках доказательства.

В сборник этот вошли, кроме пословиц, пословичные изречения, поговорки, присловья, скоро (чисто) говорки, прибаутки, загадки, поверья, приметы, суеверья и много речений, коим. не сумею дать общей клички, даже простые обороты. речи, условно вошедшие в употребление.

Об этом ученые ценители рукописи, успешно настоявшие на том, чтобы она осталась еще на восемь лет под спудом, были такого мнения: «Очень жаль, что все это совокуплено в одну книгу: через это он (собиратель) смешал назидание с развращением, веру со лжеверием и безверием, мудрость с глупостью и таким образом свой сборник много уронил... Очевидно, что и честь издателя, и польза читателей, и самое благоразумие требовали бы два толстых фолианта разбить на несколько книг и в них отдельно напечатать: пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, приметы и пр.». Доводы эти меня не убедили, всего же менее понимаю, каким образом опасность отравы уменьшилась бы таким раздроблением целого на части; разве причастен к яду исподволь? В этом сборнике, который не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию, именно должны сойтись народная премудрость с народной глупостью, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью; человек должен явиться здесь таким, каков он вообще, на всем земном шаре, и каков он, в частности, в нашем народе; что худо, того бегай; что добро, тому следуй; но не прячь, не скрывай ни добра, ни худа, а покажи, что есть.

Но, назвав пословицу, поговорку, присловье и пр., я таки пришел в тот тупик, из которого не вылезть, не объяснив, что именно я под этими названиями понимаю или как понимает их народ.

Пословица – коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь не пословица». Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Но «одна речь не пословица»: как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поуче-

ния; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки. Вот примеры полных пословиц: «Во времени пождать, у Бога есть что подать»; «Всякая рыба хороша, коли на уду пошла»; «Лазил черт за облака, да оборвался»; «Нет в тебе, так не ищи на селе» и пр.

При таком понятии о пословице мы должны согласиться, что она не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье. Сборник же пословиц – свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый. «Что не болит, то и не плачет»; что не дошло до народа, не касалось житья-бытья его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет; что впуталось добром либо лихом, в быт его, то найдете и в пословице. А чтобы распознать это и дойти до верных посему. заключений о быте народном, нужен не цветник пословиц, не выборка того, что нам нравно, а полный сборник, хотя бы целая четверть его, как помянуто выше, и не приходилась по нашему вкусу. «Вкрасне и всяк нас полюбит, а полюби-ка вчерне».

«От пословицы нет взносу», «ее обжаловать нельзя», приговор ее неотразим; все крайности сходятся, и потому «На пословицу, что на дурака, и суда нет»; «От пословицы не уйдешь»; «Пословица ведется, как изба веником метется»; «И на твою честь пословица есть»; «И на нашу спесь пословица есть»; но «Пень не околица, а глупая речь не пословица», да и «Не всякая пословица при всяком молвится»: «Иная пословица не для Ивана Петровича». Кто ее сочинил – не ведомо никому, но все ее знают и ей покоряются. Это сочинение и достояние общее, как и самая радость и горе, как выстраданная целым поколением, опытная мудрость, высказавшаяся таким приговором. Сочиненная же тогда только становится пословицею, когда пошла в ход, принята и усвоена всеми.

Деление пословиц на древние и новые, на общие и частные, общие ж и местные, на исторические, политические, юридические и пр. применимо только к небольшому числу, на выбор, да и может быть толково только при особой цели разработки. Но и тут не бережешься натяжки, все народные пословицы сложились в быту житейском, и применение их крайне разнообразно. Делить на разряды можно их по смыслу иносказания, о чем более поговорим ниже.

Пословичным изречением назовем такое, которое вошло, в виде пословицы, в беседу нашу, хотя и не заключает в себе никакой притчи, иносказания, обиняка, например, два изречения, о коих у нас была речь: Твори Бог волю свою и Суди Бог волю свою: это не пословицы и не поговорки, а пословичные речи, изречения. Верной и резкой границы и здесь протянуть нельзя; в строгом же смысле в разряд этот перешло бы весьма много пословиц.

Поговорка, по народному же определению, цветочек, а пословица ягодка; и это верно. Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольною, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно, намекает. Она не говорит: он пьян; а скажет: «У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свиснет, он закатил за ворот, он по одной половине не пройдет, он мыслете пишет» и пр. Вместо он глуп она говорит: «У него не все дома, одной клепки нет, он на цвету прибит, трех не перечтет; под носом вошло, а в голове и не посеяно» и пр. Замест ровни, дружки говорит она: «Одного поля ягода, одного сукна епанча, одной руки пальцы» и пр. Выражая, например, общее понятие одиночества, поговорка различает состояние это, по всем его отношениям: «Один, как верста в поле; один, как маков цвет; один, как золот перстень; один, как перст; один, как порошок в глазу; один, как бухалень (как выпь на болоте), как медведь в берлоге» и пр. Посему поговорка

иногда весьма близка к пословице: стоит прибавить лишь одно словечко или сделать перестановку, и из поговорки вышла пословица. «Он сваливает с больной головы на здоровую», «Он чужими руками жар загребает» – поговорки; та и другая говорит только, что это самотник, который заботится о себе, не щадя других. Но скажите: «Чужими руками жар загребать легко»; «Сваливать с больной головы на здоровую не накладно; Одного сукна епанча не рознится»; «Одной руки пальцы, и кость одна» и пр., и все это будут пословицы, заключая в себе полную притчу.

Приговорка или пустоговорка, которую также иногда зовут поговоркой, – это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке; говорит, взял, взявши, очень хорошо это самое дело; тово-воно как-оно. В сказках таких условных приговорок много; «Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается»; «Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли»; «За-тридцать земель, в тридесятом государстве» и пр. Как простые, так и сказочные пустоговорки иногда обращаются в пословицу, заключая в себе условный смысл; например: «Я бы и тово, да, вишь, жена-то не тово; ну, уж и я растово»; о пустом, грозном начальнике: «Проскакал выше лесу стоячего, ниже облака ходячего»; о строгости и непотачке кому: «Он тише воды, ниже травы стал» и пр. С другого конца, переходя в набор складных слов, приговорки сливаются с прибаутками.

Присловье весьма близко к прозвищу, но относится не к лицу, а к целой местности, коей жителей дразнят, бранят или чествуют приложенным к ним присловьем. Оно иногда состоит в одном только слове: «Рязанцы синебрюхие»; «Ярославцы белотельцы»; «Вятичи слепороды»; иногда же в целом изречении, прибаутке, прибазенке: «Пенжане свою ворону в Москве узнали»; «Ты чей, молодец? – Зубчевский купеч. – А где был? – В Москве, по миру ходил». Последнее присловье уже весьма близко к пословице, а другим придано и вовсе пословичное значение: «Чухломский рукосуй: рукавицы за поясом, а других ищет». Присловье: «Бежечане им колокольною рожком подбили», встряхивая об нее мимоходом табак, иногда употребляется в том же значении, как: «Капля камень долбит».

Скороговорка, чистоговорка – слагается для упражнения в скором и чистом произношении, почему в ней сталкиваются звуки, затрудняющие быстрый говор; но многие чистобайки заключают в себе также пословицу: «Нашего пономаря не перепономаривать статью, человека не переделаешь»; «Рапортовал, да не дорапортовал, а стал дорапортовывать, зарпортовался», все невпопад, неудачно; «Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком», то есть все одно и то же.

Загадки всякому известны; допустив все остальное, казалось, не следовало исключать из этого сборника и их, потому что это такие ж короткие изречения, то довольно пошлые и ничтожные, то замысловатые, со своеобразным взглядом на вещи. Но и загадки иногда переходят в пословицы, становясь и тем и другим: «Ничего не болит, а все стонет»; пословично говорится о ханже и попрошайке; а как загадка – это свинья. «Хорошая жена метла, и худая жена метла»: одна метет в дом, копит, другая из дому, мотает. «Кабы у Цыгана наперед, что у мужика назади, так с ним бы и ладов не было» – ум. «Иная вода стоит крови» – слеза.

Прибаутка, пустобайка не совсем ясно или не одинаково определяется; самое название – пустобайка – показывает, что она может быть иногда и то же, что пустоговорка, а об остряке своего рода говорят, что он знает много прибауток. Иные называют так целый ряд поговорок и приговорок, сложенных складно, без большого смысла; сюда относятся ямские прибаутки, также сбитенщиков, коих теперь уже почти не стало, пирожников и пр. Эти прибаутки также нередко переходят в пословицы: «По всем по трем, коренной не тронь: а кроме коренной, нет ни одной»; Лошади чужие, кнут не свой – погоняй, не стой»; «Ешь пироги, а хлеб вперед береги»; «Поливай, кубышка, не жалей хозяйского добришка» и пр.

Прибауткою же называют сказочные прикрасы: «Не по дням, по часам растет, как пшеничное тесто на опаре киснет»; «Конь бежит, земля дрожит, полымя из ноздрей, хвостом след устиляет, доли, реки промеж ног пускает» и пр. И эта болтовня принимает иногда пословичное значение, если применяется к какому-либо известному случаю. Прибаутками, байками, присказками называют и поговорки и пословицы, вовсе непонятные, если не знаешь прибаски, от которой они вышли; и эти-то прибаутки никак нельзя отделить от пословиц. Иные понятны по себе; «Тит, пойдем молотить! – Брюхо болит. – Тит, поди кисель есть! – А где моя большая ложка?» «Кто украл пирожок? – Не я – А кому дать еще? – Мне». «Жена, а жена, любишь ли меня? Аль не любишь? – Да. – Что, да? – Ничего». Другие требуют объяснений: «Хорошо-то мед с калачом»; к этому прибавляют: «А ты едал? – Нет, не едал; да летось, брат в городе был, так видел, как люди едят». «Знаешь толк, как слепой в молоке»: вожак покинул на время слепого. «Где был? – Да вот молока похлебал. – А что такое молоко? – Белое да сладкое. – А какое такое белое? – Как гусь. – А какой же гусь?» Вожак согнул локоть и кисть клюкою и дал ему пощупать: «Вот какой. – А; знаю», – и по этому слепой понял, какое бывает молоко. Сюда же относятся: «Так-то так, да вон-то как»; «Слава Богу, лапоть поспел»; «Еще один казак остался»; «Радуга ушат воды выпила»; «Попал, как черт в рукомойник» и пр. К прибауткам же можно причесть и поговорки, иногда пословичные, с обоюдным смыслом, игру слов: «Я в лес (влез), и он в лес; я за вяз (завяз), и он за вяз».

Пословичные поговорки о приметах, поверьях, житейские и хозяйские правила, оде-тые, для памяти, в такую же одежду, куда входит и народный месяцеслов, где каждому чем-нибудь замечательному в быту народному дню дано свое название и приложены разные поговорки, правила, изречения, – все это, насколько удалось мне собрать, также вошло в сборник. Божба, проклятия, пожелания, приветы, высказанные в виде поговорок, отчасти включены сюда же, но их набралось немного, как вообще некоторые разряды у меня очень не полны и вся надежда на будущих собирателей. Русские застольные, задравные пожелания, что ныне тосты, частью старинные, частью известные и поныне в купеческом кругу, по заглашьям, очень хороши, но и их у меня набралось немного, а желательно бы собрать и сохранить их побольше.

В пословице можно различать одежду внутреннюю и внешнюю; первая относится к риторике, вторая – до грамматики и просодии. Грамматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословиц, но должна бы быть по ним, во многих частях своих, вновь переверстана. Частое непонимание нами пословицы основано именно на незнании языка, тех простых, сильных и кратких оборотов речи, которые исподволь утрачиваются и вытесняются из письменного языка, чтобы сблизить его, для большей сподручности переводов, с языками западными. Кто бы взялся рассмотреть пословицы и поговорки в этом отношении, тот написал бы претолстую и преполезную книгу.

Пословица большею частью является в мерном или складном виде: редко правильным метрическим стихом, то есть со счетом долгих и коротких слогов, потому что такой размер народному языку вообще чужд; еще реже, и, кажется, только случайно найдется размер силлабический, то есть простой счет слогов, дело, нам вовсе чужое; но весьма часто в русском размере, в тоническом, как песенном, с известным числом протяжных ударений в стихе, так в сказочном, с рифмою или красным складом.

Богданович, перекладывавший пословицы, по тогдашним понятиям, в приличные стихи, то есть искажавший их так, что они становились никуда не годными, переложил, однако, с пяток, из числа одной тысячи, так удачно, что они могут идти зауряд с народными, например: «Не бесчести в загонях добра молодца: загоняешь и волка, так будет овца». Но кажется, что он только составил к стати одну пословицу из двух готовых; по крайней мере вторая половина говорится точно в этом виде, в правильном метрическом размере двух коротких и одного долгого, слога; этот размер гораздо свойственнее языку нашему, чем

чистые ямбы и хорей, потому что он обилует короткими слогами. Есть даже очень много пословиц, в размере, еще более богатом короткими слогами; не утверждаю, чтобы тут был умысел, чтобы пословицы сознательно составлены были по довольно сложному метрическому размеру; но чуткое и памятликое на певучесть, склад, ударение и созвучие ухо вылило их в этом певучем виде и бессознательно соблюло правильную и точную меру. Упоминаю об этом потому, как сейчас сказал, что языку нашему эти размеры гораздо сподручнее, между тем как поэты небрегут такою особенностью языка, и ямбы с хорейми, всеми натяжками и неправдами, остаются у нас господствующими размерами. Говорю: с натяжками и неправдами, потому что даже у первых поэтов наших натяжки эти попадают сплошь и рядом, да они и неизбежны на языке, в котором короткий слог весьма редко чередуются с долгим чрез один.

Возьмем два-три примера: «Бог не поберег вдоль и поперек»; по три коротких меж двух долгих, а размер хорош. «Рано встала, да мало напряла»; по долгому с коротким на концах, а две средние стопы – долгий с двумя короткими. «Хоть вдвое, хоть втрое, не споро худое»; по одному долгому меж двух коротких. «Всякая небылица в Три года пригодится»; «На всякого мирянина по семи жидовин»; в этих двух пословицах, в сущности тонических, метрический счет, однако, показывает вот какие особенности: первая начинается долгим, вторая – коротким слогом; в обеих по четыре стопы: один долгий с одним коротким, долгий с двумя, с тремя и с четырьмя короткими. В следующей – замечательная, весьма складная смесь анапеста и дактиля; один только короткий слог, во втором стихе, будто лишний; но он на месте, а пропущен в первом стихе весьма кстати; тут, как бы поневоле изумясь, сделаешь расстановку:

Сбил, скотил – вот колесо;
Сел да поехал – ах, хорошо!
Оглянулся назад —
Одни спицы лежат!

Это сложено удивительно складно: внезапный переход, на третьем стихе, к двум кратким, когда готовишься на долгий слог, как нельзя лучше выражает изумление того, кто оглянулся. Нельзя также не согласиться, что во всех размерах этих не в пример более свободы и раздолья, чем в тяжких, однообразных путях бессменного ямба или хорей.

Рифма или простое созвучие не всегда бывают в конце стиха или каждой из двух частей пословицы, как, например: «Много лихости, мало милости»; «Не проси у богатого, проси у тороватого»; «Ни то, ни се кипело, да и то пригорело»; «Взвыла да пошла из кармана мошна» и пр., а иногда и на других словах, среди стиха, но всегда на таких, кои требуют отлики, ударения, внимания:

«И скатал было и сгладил, да все врозь
расползлось».
«От сумы да от тюрьмы никто
не отрекайся».
«Видал, как мужик мед едал – ин мне
не дал».

Бывает и по несколько рифм сряду

«Сам тощ, как хвощ, и живет тоненько,
да помаленьку»;

«Я за кочан – меня по плечам. Я за вилок —
меня за висок»;

«Сало было, стало мыло»;

«Рушай варено, слушай говорено»;

в двух последних что ни слово, то рифма.

«Уйдем всем двором, опричь хором, а дом
подопрем колом» —

шесть одинаковых рифм. Есть созвучия целого слова и полные рифмы в два и три слога: «Ему – про Тараса, а он: полтораста»; «Не под дождем, подождем». Но большая часть пословиц без красного склада и без правильного, однородного размера; лад или мера в них, однако, есть, как во всякой складной, короткой речи, и лад этот дает ей певучесть и силу.

Игра слов, по обоюдности их значения, не совсем в нашем вкусе, но местами попадает: «Для почину выпить по чину»; «Спать долго – жить с долгом»; «Тут прут, а там жгут»; прут – напирают и розга; жгут – палят огнем и витень, плеть. «Что будет, то будет; а еще и то будет, что и нас не будет». «Обедал бы, да не обедал бы». «Пригоден лук и к бою и к щам» и пр.

Ко внешней одежде пословиц надо отнести и личные имена. Они большею частью взяты наудачу либо для рифмы, созвучия, меры; таковы, например, пословицы, в коих поминуются: Мартын и алтын, Иван и болван, Григорий и горе, Петрак и батрак, Мокей и лакей и пр. Может быть, некоторые имена и взяты начально с известных в самом тесном кругу лиц, а пословицы сделались общими; нередко также имена эти попадали из сказок, рассказов, где люди известных свойств обычно носят одно и то же имя, за которым и в пословицах осталось то же самое значение: Иванушка и Емеля дурачки; Фомка и Сергей воры и плуты; Кузька горемыка; Марко богач. От этих понятий сложились и особые выражения: объеменить кого, обмануть, одурачить простачка; обсерезить, поддеть ловко, хитро; фомкою, на языке мошенников, зовется большое долото или одноручный лом для взлома замков; подкузьмить кого, поддеть, обмануть, обидеть и пр.

Во внутренней одежде в пословицах наших можно найти образцы всех прикрас, риторики, все способы окольного выражения; не знаю, стоит ли на этом останавливаться, но приведу попавшиеся под руку примеры. Метафора: Он себе залил за шкуру сала. Его голыми руками не возьмешь. На него надо ежовые рукавицы. Аллегория: Угорела барыня в нетопленной горнице. Хорошо пахать на печи, да заворачивать круто. Гипербола: У каменного попа ни железной просвиры. У него каждая копейка алтынным гвоздем прибита. Метонимия: Сытое брюхо к ученью тупо. Зеленый седому не указ. Синекдоха: Семеро топоров вместе лежат, а две прялки врозь. Чем бы салу рычать, ан телега скрипит. Ирония: Исплошила зима сватью в летнем платье. Жаль девки – потеряли (а сгубили) парня. Противоположность: Воложный стол – тощий карман. Дальше положишь, ближе возьмешь. Извращение: Не по хорошу мил, а по милу хорош. Над грехом старосты нет, а живет грех и над старостой. Двусмыслие: Иная вода стоит крови (слезы). Смертью люди живут (гробовщики). Олицетворение: Авоська веревку вьет. Небоська петлю закидывает. Весна говорит: уклочу; осень говорит: а вот я еще погляжу. Условность: Либо коня доброго держи, либо кнут. Либо кланяться (просить), либо чваниться. Опускание, недоговорка: Матушка рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка (кормит дураков) по выбору. От старых дураков молодым (дуракам) житья нет.

Перехожу, наконец, к объяснению подборки и расположения пословиц. Обычно сборники эти издаются в азбучном порядке, по начальной букве пословицы. Это способ самый

отчаянный, придуманный потому, что не за что более ухватиться. Изречения нанизываются без всякого смысла и связи, по одной случайной, и притом нередко изменчивой, внешности. Читать такой книги нельзя: ум наш дробится и утомляется на первой странице пестротой и бессвязностью каждой строки; приискать, что понадобилось, нельзя; видеть, что говорит народ о той либо другой стороне житейского быта, нельзя; сделать какой-нибудь свод, и вывод, общее заключение о духовной и нравственной особенности народа, о житейских отношениях его, высказавшихся в пословицах и поговорках, нельзя; относящиеся к одному и тому же делу, однородные, неразлучные по смыслу пословицы разнесены далеко врознь, а самые разнородные поставлены сподряд; остается самому читателю сделать то, что мог бы подготовить издатель: подобрать однородные пословицы; но для этого надо прочесть всю книгу и, наделав свои заметки, вписывать сотни, а может быть, и тысячи строк. Так называемые указатели по предметам мало достигают цели своей; редко находишь, чего ищешь, да сверх того в таком указателе приходится выставлять сотни, даже до тысячи цифр или указаний под одним, общим для них оглавком. Словом, азбучный сборник может служить разве для одной только забавы; Чтобы, заглянув в него, поискать, есть ли в нем пословица, которая мне взбрела на ум; или она пропущена. И странно, что игрушка та очень заманлива: большая часть видевших мой сборник в рукописи находили в нем именно тот недостаток, что нельзя найти тотчас пословицу, которая им приходила на ум. Но пословицу, которую я уже знаю, мне и отыскивать не для чего; если же я это делаю, желая пополнить сборник, то мне легче пробежать в нем тот разряд, к которому моя пословица, по смыслу своему относится, чем перечитывать с отметками целую книгу такого объема, расположенную в азбучном порядке, для отыскания в ней и собрания в одно пословиц известного направления и смысла. Сверх сего к моему сборнику гораздо легче приделать полный азбучный указатель по начальной букве пословицы, чем, наоборот, к азбучному сборнику – указатель по смыслу пословиц.

Есть немецкие и французские сборники, где издатели, – чувствуя всю нелепость обычного азбучного подбора по начальной букве пословицы, прибегнули к средней мере, приняв азбучный же порядок, но по тому-слову в пословице, которое им казалось главным, на котором пословица, все-таки по внешней одежде своей сложена. И это, однако, признак несущественный, служащий разве только к тому, чтобы видеть, какие предметы избрал народ для обстановки своих картин. И этот порядок далеко разносит врозь не только дружки в пословицах, но даже и ровни: «Козел по горам, и баран по горам»; «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней»; «Утки в дудки – тараканы в барабаны» и пр. Эти пословицы должны бы стать там под разные буквы, по словам: козел, баран, конь, рак, утка и пр. Тогда как здесь и дудки, и бараны, и тараканы лицедеи вовсе посторонние, а смысл один или весьма близок к одному: переимчивость, пример, подражание; и вот то место, тот разряд, куда все подобные пословицы следуют; а их наберется сотня, может быть и более.

Расположение пословиц по смыслу их, по значению внутреннему, переносному, как притч, кажется, самое верное и толковое. В какой мере задача эта вообще исполнима, можно ли сделать это сразу и насколько подсудимый вам собиратель в этом успел – другой вопрос; мы говорим только о правиле, о начале, на каком разумно можно основаться. Не сомневаюсь, что это лучший из всех порядков, в каком бы можно было представить все народные изречения для обзора, сравнения, оценки и уразумения их и для общего из них вывода.

Сборник Богдановича попался мне гораздо позже этой затеи (как и вообще все сборники были добыты мною, когда уже запасы мои порядочно накопились), и я увидел, что им уже сделана была подобная попытка; но у него всего одна тысяча, и притом своих, пословиц, в стишках; за всем тем, однако, первенство в этом деле, у нас по крайности, остается за ним. Как второй изобретатель, я не могу у него отбить почину.

Итак, я расстриг десятки тысяч, собранных в течение десятков лет, пословиц, поговорок и тому подобных речений и, вынимая их из короба, как они попадались, обозначал на каждой одним словом значение, смысл, предмет, к коему каждая относится. Таким образом, составились сами собою, без всякого предварительного умствования, оглавки разрядов, около ста осьмидесяти, в кои вошло все, что было собрано по крохе. Затем я принялся снова за каждый разряд и старался подобрать в нем пословицы в некоторой последовательности и связи, по тому же их значению.

При таком расположении довольно полного сборника я уже не только тешусь остротой той либо другой пословицы, но вижу в них одну общую и цельную картину, в которой есть более глубокий смысл и значение, чем в одиночных заметках. Это перегон или выморозки ума целых поколений, во образе своего родного быта, с приправою всего, что только касалось этого насущного и умственного быта. Я могу за один раз вникнуть плотским и духовным глазом своим во все, что народ сказал о любом предмете мирского и семейного быта; и если предмет близок этому быту, если входит в насущную его жизнь, то народ – в этом можете быть уверены – разглядел и обсудил его кругом и со всех сторон, составил об этом устные приговоры свои, пустил их в ход и решения своего не изменит, куда разве не изменятся обстоятельства. А чего нет в приговорах этих, то и в насущности до народа не доходило, не заботило, не радовало и не печалило его.

Против этого сделано было странное замечание: одна-де пословица противоречит другой, на приговор есть приговор, и не знаешь, чего держаться. Не знаю, кого бы это смутило: разве можно объять предмет многосторонний одним взглядом и написать ему приговор в одной строке? В том-то и достоинство сборника пословиц, что он дает не однобокое, а полное и круглое понятие о вещи, собрав все, что об ней, по разным случаям, было высказано. Если одна пословица говорит, что дело мастера боится, а другая добавляет, что иной мастер дела боится, то, очевидно, обе правы: не равно дело, и не ровен мастер.

Другой укор основательнее: у меня в сборнике множество повторений, частью намеренных и в этом порядке неизбежных, потому что одна и та же пословица подходит под разные значения и разряды, частью же и по недосмотру: не достало памяти; пробегая эти бесконечные ряды, тупеешь и не помнишь, что уже было, и чего не было. Но как бы строго ни судить за это, все, кажется, грех не велик и менее важен, чем неполнота и пропуски. Не оправдываясь, впрочем, в излишних повторениях, я однако же, прошу обратить внимание на то, что много пословиц помещено вдвойне и втройне, с небольшим изменением, которое придает пословице иное значение, иной смысл, требовавший помещения ее в этом виде, под другим заголовком.

Не менее основательно будет и то порицание, что я далеко не выполнил своей задачи, что пословицы нередко попадали не на свое место, подборка неочищена, нет строгой последовательности. В доказательство того, что сам собиратель это понимал и видел, выпишем, что он писал об этом еще в 1853 году: «Когда я подвинулся уже довольно далеко в разборке этой громады, то убедился, что труд этот мне не по силам и меня одолеет. Служба, недосуги и недуги замяли меня и не дали мне заняться делом этим сподряд, а только урывками; голова вскружилась, и я растерялся. Не менее того, я продолжал, как мог, полагая, что не лучше же будет бросить начатое и кончить тем, чтобы ничего не сделать».

Прибавлю к этому, что такой работе, впрочем, и конца нет: можно подчищать, перемещать и подразделять порядки по вкусу, взгляду и разумению своему, сколько угодно; благо запас собран и сохранен. Куль муки набит; надеюсь, он уже не наткнется более на таких ценителей, которые бы стали подыскиваться под отраву.

Как бы то ни было, но, разобрав пословицы свои в этом порядке и сознавая, что следовало бы начать дело с начала и перебрать их вновь, я порешил, однако же, развязаться с этой работой, потому что меня ждала другая, более важная, а жить осталось немного. В каком бы

порядке или беспорядке ни был сложен запас мой, – подумал я, – лишь бы собрано и записано было то, что изникает в глазах наших, как вешний лед. Печатать сборника своего я в то время и не думал – мы видели выше тогдашние понятия об этих вещах передовых просветителей наших – положил его в сторону и стал приводить в порядок прочие свои запасы: песни, коих у меня было, впрочем, немного, отослал я покойному И. В. Киреевскому, сказки, стоп до шести, в, том числе и много всякого вздору, А. Н. Афанасьеву; а на свою долю оставил одно: запасы для русского словаря.

Но пришли другие времена, и мне казалось, что пословицы могут быть ныне напечатаны. Я собирался уже, одолевая все губернские затруднения, приступить в Нижнем к печати, как добрая судьба моя захотела успокоить меня другим путем, удалив от служебных занятий и дав под старость время и свободу на другое. В Москве Общество любителей российской словесности тотчас предложило принять на себя издание сборника; но много лет тому назад (еще в начале 1847 г.) предложение это было уже сделано мне О. М. Бодянским, от имени императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, и потому я ныне с признательностью передал туда свой сборник. Замечу еще, что как он печатался для «Чтений» в Обществе, то я и должен был подчиниться как в наружном виде издания, так и в правописании принятым там правилам, почему правописание и рознит с издаваемым в то же время словарем моим и с этим предисловием.

Что, если бы каждый любитель языка нашего и народности, пробегая на досуге сборник мой, делал заметки, поправки и дополнения, насколько у кого достанет знания и памяти, и сообщал бы заметки свои, куда кому сподручнее, для напечатания, или передавал бы их собирателю – не правда ли, что следующее издание, если бы оно понадобилось, могло бы оставить далеко за собою первое?

Дружно – не грузно, а один и у каши загинет.

В. ДАЛЬ

Пословицы

Бог – вера

Из разделов:

Бог – вера

Изуверство – раскол

Изуверство – ханжество

Вера – загадки

Бог не мужик (т. е. не обидит): бабу отымет, а девку даст (о вдовце).

Кто попу не сын, тот не законный сын.

Повадишься к вечерне – не хуже харчевни: ныне свеча – ан шуба с плеча (укор скупых мужей женам).

Матушка Похвала, узнала ль ты меня? Я из Жидова Катерина, живу в Твердове у Кирила (т. е., девка выдана замуж из Жидова в Твердово и, пришед на родину, молится знакомой иконе).

Батюшка Предтеча, я из Субботников, Павлова сноха, Иванова жена, помилуй ты меня!

Веруем в веру, юже предаша нам отцы наши (Раск.).

Как родители жили, так и нас благословили (Раск.).

Грешно дать умереть младенцу в люльке: все одно, что на виселице.

Женатые грешат, да не каются; а мы грешим, да каемся (Раск.).

Девце позволено согрешать, иначе ей бы не в чем было каяться (Раск.).

Родившая девка должна покрывать голову – покрыть грех (Раск.).

Лучше семерых родить, чем замуж ходить (Феодосеевщина).

Ключи ада, ключи бездны (Скопцы о детородн. част.).

Что мужик, то вера; что баба, то устав (о Раскольниках).

Что дом, то содом; что двор, то гомор; что улица, то блудница (о Раскольниках).

Не строй семь церквей, пристрой семь детей (т. е., сирот).

Трижды венчан, а жена одна (Поп).

Вышел дед 70-ти лет, вынес внучка старша себя (Священник с Евангелием).

Идет не мужик и не баба, не домой и не в гости, несет ни пирог, ни сгибень (Священник с Евангелием).

Матери у меня нет, а отец мне муж (Ева).

Твой отец, и мой отец; мой муж, а твой дед: ты мне брат и сын (Дочь Лота своему сыну).

Кто отцу отцом был? (Иосиф, крестивший отца)

Судьба – удача – счастье

Из разделов:

Судьба – терпение – надежда

Счастье – удача

Счастливы игрой, да несчастлив женой.
Не у всякого жена Марья – кому Бог даст.
У боярина семь дочерей: будет из них и смерть и жена.
Кому чудо, а нам чадо (т. е., при бедности).
Кому телята, а нам ребята.
Жаль батьки, да везти на погост.
Мое дитяtko не рожено, не хожено, так и брошено.
Не на ту пору мать родила, не собрав разума в люди пустила.
Милому дитяtkе да горькая часть.
Людам поволька, а бабину сыну неволька.
Кабы знатье, что у кума питье, так бы и ребятишек привел.
Не равно замуж выдется, не ровен черт навяжется.
Добрые молодцы не женятся, красны девицы замуж нейдут.
Где любя, там не дают; где нелюбы, там двух да трех.
За худого замуж не хочется, а доброго негде взять.
Хотелось постричься, а довелось жениться (и наоборот).
Бился, колотился, мясоед прошел, а все не женился.
Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит (прибавка: а хоть и не ворожит, так шепчет).

Достают невесту собою, а ино и Фокою.
Жить, что попадье за попом.
Сбыл беду, как соседову (как попову) жену.
Клад да жена – на счастливого.
Жеребей дурак: родного отца в солдаты отдаст (от жеребьего порядка рекрутчины).
Что положишь, то и вынешь: и бабу: напиши, и баба вынется (то же).
Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровища.
Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк.
Иному счастье (или: служба) мать, иному мачеха.

Приметы

Поп, человек соборованный, вдовец, холостяк, вдова, девка – недобрая встреча.
Встреча бабы с пустыми ведрами – к неудаче; с полными – к удаче.

Богатство – достаток – тороватость

Из разделов:

Богатство – убожество

Богатство – достаток

Достаток – убожество

Тороватость – скупость

Бережь – мотовство

Деньги (или хлеб) да живот (т. е., скот), так и баба живет (т. е., тяглом правит).
У молодца не без золотца, у красной девушки не без серебрца.
Сама не судома, да батька богат (Западн. Губ.).
Родись, крестись, женись, умирай – за все денежки подай!
И роди – плати, и хорони – плати!
У богатого черт детей качает.
Богатство родителей – порча детям (или: кара детям).
Отец богатый да сын неудачный.
Держи девку в темноте, а деньги в тесноте.
У кого есть рожь, тот и мужик хорош.
Хлеб да вода – молодецкая еда (солдатская, мужицкая, бурлацкая еда).
Хорош молодец: ни коз, ни овец.
Слава Богу, не без доли: хлеба нету, так дети есть.
Только у молодца и золотца, что пуговка оловца.
Голь гольянский – сын дворянский.
У них в семье – кол да перетька.
Бедному жениться – и ночь коротка.
Кому свинья, а нам семья.
Душа не без доли, мужик не без тягла.
У богатого телята, а у бедного ребята. Богатому телята, а бедному ребята.
Бедной девке краса – смертная коса.
Как у матушки под крылышком (или за пазушкой). Как у Бога (или: у Христа) за пазухой.
Не накормлен конь – скотина, не пожалован молодец – сиротина.
Рогожка рядная – словно матушка родная.
Покуда у бабы поспеют кныши, у деда не будет души.
Последняя у попа жена (прибавка: да и та попадья).
Он своих родителей за чужим кануном поминает.
Скупые умирают, а дети сундуки отпирают.
Чист молодец: ни коз, ни овец.
Чист молодец, промотался на голую кость.
На ветер живота не напасешься, на смерть детей не нарожаешься.
Было сельцо, да сменял на кольцо; было кольцо (поле), да за женину ласку сменял на коляску.
Отец накопил, а сын раструсил.
Отцам копить, а деткам сорить.
Пришло молодцу к одному концу.
Догнал батькину полосу до самого лесу.
Как поп попадью бережет (одним одна).
И сыну отдай, и себе на смерть оставляй!

И оставиша останки младенцем своим (Псалт.).

Потерял Мартын отцов алтын.

Бесчастливого (или: бесталанного) дитю не наделить.

Мотоват, да не женат – одному себе в наклад.

Он просветил отцовы животы.

Что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшвырял.

Копейка к копейке – проживет и семейка.

Терпение – горе – утешение

Из разделов:

Терпение – надежда

Хорошо – худо

Добро – милость – зло

Признательность

Радость – горе

Горе – беда

Горе – утешение

Горе – обида

Не суйся наперед отца в петлю.

Не тужи по бабе: Бог девку даст. Бог бабу отымет, так девку даст (утешение вдовцу).

Погоди, сказала жидовка голодному сынку: вот придет шабаш, сварим юшку с лапшер-
даками.

Авосевы города не горожены, Авоськины детки не рожены.

Кому жениться, тому и ночь не спится.

Вся свадьба песни не стоит.

Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах.

Жаль девки – потеряла (или: погубила) парня.

Не на мать: губ не надуешь (т. е., привык на мать дуться).

Сердилась баба на торг, а торг про то и не ведает.

Скачет баба задом и передом, а дело идет своим чередом.

Не дал шапки отец, так пусть уши мерзнут.

Это невестке на отместку.

Удобрилась мачеха до пасынка: велела в заговенье щи выхлебать.

Родной ты отец – да только не своим деткам.

За лихова батьку хоть матку отдай – все ни во что.

Не рожден – не сын, не куплен – не холоп, не вспоен, не вскормлен – не ворог.

Выпивши пиво, да тестя в рыло; а приевши пироги, тещу в кулаки.

Плачет, как на девишнике.

Как ржа на болоте белый снег поедала, так кручинушка добрая молодца сокрушала.

Не роди, матери, на белый свет. Не роди, мать сыра-земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.